

В середине 20-х годов XV в. Иоанн поднял мятеж против своего отца Алексея IV и матери Феодоры Кантакузины, воспользовавшись тем предлогом, что мать сблизилась с протовестиарием. Убив протовестиария, Иоанн, поддерживаемый местными архонтами, заключил родителей под стражу, намереваясь убить и мать. Но, встретив сопротивление архонтов таким планам, был вынужден бежать в Грузию, где вскоре женился на дочери царя Александра, ища его поддержки. Алексей же назначил своим соправителем и соимператором Александра-Скантария, младшего брата Иоанна. Хронист считает это несправедливостью по отношению к Иоанну. После смерти матери в 1426 г. Иоанн отправляется в Каффу и с помощью генуэзца Доменико д'Аллегро, предоставившего ему свой корабль, высаживается близ монастыря св. Фоки на Понтийском побережье. Воспользовавшись изменой архонтов Каваситов и Схолариев¹³, Иоанн подослал в лагерь императора наемных убийц. Ночью в своем шатре Алексей IV был убит. Аноним пытается оправдать это убийство, сообщая, что Иоанн лишь приказал взять отца в плен живым и привести к нему (Ibid. P. 220). Но было ли это выполнимо? Похитить императора из военного лагеря, даже если там гнезилось предательство, было не просто. Да и сам историк не скрывает, что убийцы действовали в угоду Иоанну. Чтобы обелить последнего, аноним рассказывает о его гневе и жестокой расправе над убийцами (один был ослеплен, другому отрублены руки), а также о торжественном погребении тела Алексея IV сначала в монастыре Феоскепаст, а затем в специальной усыпальнице близ стен митрополии (Хрисокефала). Действительно, Иоанн IV в дальнейшем публично демонстрировал любовь, почтение и лояльность к отцу, торжественно перенес его прах, упоминая его имя в хрисовулах и надписях. Аноним следовал здесь официальной версии событий. Описывая затем оборону Трапезунда от шейха Ардебиля, историк подчеркивает, что в общей панике лишь Иоанн IV сохранил присутствие духа и исключительно его мужество и находчивость спасли город, когда многие архонты бежали на кораблях и по суше, бросив столицу на произвол судьбы (Ibid. P. 221—222). Затем этот же историк осуждает устранение от власти четырехлетнего сына императора Иоанна и захват престола его дядей Давидом, считая это несправедливостью, совершенной не без помощи того же феодального клана Каваситов (Ibid. P. 246).

Автор памятника, видимо, не принадлежал к архонтам, предательство которых он не раз осуждает.

Второй отрывок из трапезундского источника, описывающий поход Мехмеда II против Трапезунда в 1461 г., подвергся более тщательной литературной обработке Халкокондила (Ibid. P. 246. 19—249.31). Данные из анонимного трапезундского источника могли использоваться византийским писателем и в других местах, в частности при описании неудачной морской экспедиции Мурада II против Трапезунда и крымской Готии (Ibid. P. 37—38), о нападении на город османского губернатора Амасии Хитир-бея (Ibid. P. 222—223), о матримониальных связях Великих Комнинов с византийскими императорами и правителями туркменов (Ibid. P. 219). Трапезундский источник, находившийся в руках Халкокондила, вероятно, излагал лишь события XV в., так как данные автора «Историй» об образовании империи на Понте носят уже легендарный характер и изобилуют неточностями (Ibid. P. 218—219). Этот же Трапезундский источник был использован и в греческой хронике о турецких султанах, известной по Ватиканскому Барберинскому кодексу № 111¹⁴.

Упомянутые трапезундские исторические произведения различны по характеру, содержанию и манере изложения. Но все они свидетельствуют о наличии некоторых общих черт в трапезундской историографии, отражают в той или иной степени официальную версию истории империи и связаны с интересами правящей династии. Их авторы принадлежат не к феодальной знати, а к служилому чиновничеству. Все сочинения отличаются четкостью и конкретностью описаний, свободным употреблением понтийских слов и выражений. Их язык никак нельзя отнести к аттицизирующим образцам византийской исторической классики — он беднее, проще, ему чуждо стремление к искусственному пуризму и подражательности. Интересным явлением в трапезундской историографии было, как уже отмечалось, использование тюркской терминологии, вошедшей в официальное словоупотребление. Появляются новые ти-

¹³ См.: об этом: *Bryer A. The Faithless Kabazitai and Scholarioi // Maistor. Canberra, 1984. P. 309—327; Laurent V. L'assassinat d'Alexis IV, empereur de Trébizonde (1429) // АП. 1955. Т. 20. P. 138—143.*

¹⁴ *Zoras G. Th. Χρονικό; ἡ περί; τῶ; ἑν Τουρκοῦν σουλτάνων κατα; τῶ; ἑν Βαρβερίνων ἐ; ἑλληνικο; ἡ κω; δικά 111. Ἀθή; α, 1957.*